

КНИГА ПЕРВАЯ

БУДЬ МОИМ ПЕРВЫМ

Илья: «Какая же ты красивая) Не могу оторваться».

Полина: «Добрался до моей соцсети?»

Илья: «Угадала».

Полина: «Тогда и не отрывайся)) Там фоток двести))».

Илья: «Вот и не буду».

Полина: «А ты милый) И классный!»

Илья: «Хах, спасибо».

Полина: «Будь моим первым».

Илья: «??»

Полина: «Да/нет? Считаю до трех!»

Полина: «Три...»

Полина: «Два...»

Илья: «Да!!!»

*Полина: «*слезы из глаз от смеха*».*

Илья: «На следующей неделе приглашу тебя на кофе. Обсудим».

Полина: «Только на следующей? Почему, например, не через год?»

Илья: «Мне сильно пора сейчас, Поля».

Полина: «Упустишь свой шанс. Я не из тех девушек, кто ждет...»

Илья: «Ну это мы еще посмотрим».

Пролог

«Илья, привет!» — падает сообщение буквально через пару минут после того, как я включил сотовый. Улыбка растягивает губы. Это Полина.

— Что, принцесса твоя пишет? — подкальывают друзья. — На лице все написано.

— Идите на хрен.

Яр тут же включает на телефоне песню про малолетку, и я закатываю глаза.

Пишет, и что? Завидно?

А парни еще ржали надо мной на сборах, дескать, нашел на кого время тратить. Фу, малолетка. А мы с ней, между прочим, чувствуем друг друга.

Каким-то образом ведь она поняла, что я в город вернулся. Вот только что.

«Привет, моя красивая девочка. Как делишки? Какие планы на вечер?»

Половина двенадцатого. Сейчас как раз домой приеду, отмоюсь после двух недель в полевых условиях. Посплю пару часов. И можно распланировать вечер. С Полиной мы еще не виделись, но много раз переписывались и пару раз болтали по телефону. Познакомились в приложении для знакомств. Мне серьезные отношения в данный период не нужны, она до них еще не доросла. На самом деле, как только я узнал, сколько ей лет, пыл свой поумерил. Но флиртовать с красивой девушкой было весело, и как-то слово за слово — увлекся. Еще это предложение ее... шуточное. Наверное. Либо она очень смелая, либо глупая, либо прикалывается.

Входящий вызов. Я прочищаю горло и принимаю звонок.

9

•
•
•

— Да? — стараюсь, чтобы голос звучал мягче.

Адский недосып действует на нервы. Когда я устаю, то становлюсь резким и немногословным. А с ней так нельзя. Она маленькая.

Слышу, как вокруг все ржут. Делаю страшные глаза, шепчу одними губами: «Заткнитесь, придурки!» Яр прибавляет громкость: «У-у, малолетка-а-а-а, ты попал, парень, в клетку-у-у». Прибью этого гада однажды, клянусь.

— Илья, привет! Ты же врач? Или ты лгал мне? Скажи честно, как есть. Это важно! — взволнованно звучит ее голос, и я моментально подбираюсь.

— Врач, Поля. Что случилось? Ты где?

Мой тон меняется, и ребята сразу замолкают. В машине воцаряется тишина.

— Мне нужна помощь, и я не представляю, к кому еще обратиться.

— Что бы это ни было, ты «Скорую» вызвала?

— Мне запретили ее вызывать. Илья, он сказал, что оторвет мне голову, если я ослушаюсь! Пожалуйста, если только можешь... Умоляю, помоги мне!

•
⋮

ГЛАВА 1 ПОЛИНА

Мачеха Настя тут на днях меня спросила, подперев тонкой ручкой подбородок и широко зевнув:

— Полина, вот скажи, а где молодежь сейчас знакомится? Вы ж никуда не ходите, нигде не гуляете. Про клубы ни слова — знаю я, какого там плана знакомства! В телефонах только сидите и зрение портите.

От удивления и возмущения я едва не выронила сотовый из рук. Нашлась тут взрослая тетка, на шесть лет меня старше!

— Где и раньше, Настён, — мой голосок настолько елейный, что гордость разбирает. — В универе, например. Препад понравился, под стол к нему залезла, вот и познакомились.

Она глаза закатила и вышла из комнаты со словами: «Опять ты начинаешь!» Ну а что, если все именно так и было? Моему отцу за пятьдесят — ей и двадцати пяти пока нет. Страсть вскружила голову обоим прямо после лекции. Или перед ней. Уж я не в курсе, избавьте от подробностей, бога ради!

В общем, имеем, что имеем, Настён, вопросы глупые друг другу не задаем. Настя мне нравится, я искренне пытаюсь с ней подружиться. Не знаю, почему каждый раз срываюсь на грубость. Наверное, нрав такой у меня. Дурацкий. Отец все время об этом говорит: в мать пошла. Это в нашей семье главное оскорбление. Было бы таким, если бы он при этих словах так странно не улыбался. Якобы незаметно и мимолетно. Моей мамы давно нет в живых, а он ее не забыл. И Настя это знает. Все это знают.

Как бы там ни было, существует еще один способ найти себе парня, и о нем речь пойдет ниже.

Не так я, конечно, представляла наше первое свидание с Ильей из Тиндера. Совсем не так.

Быстрым шагом трижды обхожу вокруг особняка с целью не то унять сердцебиение, не то ускорить время. Крики Мии слышать больше нет никаких сил. Я зажимаю уши и снова начинаю плакать. Мы находимся в загородном доме ее мужа Арсения, и я здесь самая младшая. Должна была быть самой младшей до рождения малыша. Мия и Арсений категорически отказались ехать в роддом, долго готовились к домашним родам, позвали духовную акушерку.

Позавчера Мия мне написала: «Началось!!»

Все это время я ждала сообщения с радостными новостями, но оно никак не поступало. Сегодня, сразу после учебы, в очередной раз позвонила Мие, но трубку взял ее муж. Заверил, что все идет по плану, и попросил, чтобы больше не названивала попусту. Задолбала я его, оказывается.

12

— Так уже трое суток прошло! Это точно по плану? Дай мне Мию немедленно! Прямо сейчас, ты, придурок! Иначе я...

— Сама дура припадочная! — перебил он грубо.

— Дай. Мне. Сестру, сумасшедший фанатик! — прошипела сквозь зубы. — Я вызываю «Скорую»!

— И что ты им скажешь? Кто тебе поверит?! На моем пороге не будет ни одного убийцы в белых халатах! Все, отвали, неудачница! — сказал он и положил трубку.

Меня аж заколотило. Мия — моя старшая сестра, много лет мы были очень близки, потом она вышла замуж, переехала за город и отдалилась. Ее муж — богатый властный человек. А еще он приверженец всего естественного. И он прекрасно отдает себе отчет в том, что смерть — она ведь тоже естественна.

Арсений четко дал понять, чтобы я оставила их семью в покое, но я все равно поехала к ним домой. Нагло. Без приглашения. Впервые в жизни. По пути позвонила Илье. Сначала, разумеется, папе, но тот снова не взял трубку. Он в командировке где-то в Европе, и ему не до дочерей. Решает важные научные вопросы. Как обычно.

В моем окружении нет ни одного врача, а нужно было срочно посоветоваться. Мне восемнадцать, своих детей нет. Да что там, даже парня пока не было. Что я могу знать о том, как проходят роды?! Но интуиция подсказывала, что Мия в беде. И я не могла просто поехать в кино с Галкой, как договаривались.

И вот я здесь. Сажусь на корточки и зажимаю сигарету между зубами. Прикуриваю, жадно втягивая в себя густой дым, наблюдаю, как при этом дрожат руки. Скорее бы он приехал. Господи! Он обещал, что поможет прорваться врачам, если Арсений запретит заходить в дом. Наконец слышу знакомый шум за забором, шелест шин по гравийке.

Я поднимаюсь на ноги так резко, что немного кружится голова.

Быстрым шагом иду открывать ворота. Духовная акушерка, забыла, как ее там зовут, обгоняет меня на повороте и первой прорывается к массивной двери, распахивает ее настежь и устремляется к своей машинке.

Илья — а это он, я узнаю мгновенно, ведь часами рассматривала его фотографии — делает шаг назад, пропуская женщину и провожая ее хмурым взглядом.

— Эй, вы куда? — кричу я вслед.

— За инструментами! — объясняет она.

Садится в машину, заводит двигатель и давит на газ.

— Она убегает! — Я возмущенно всплескиваю руками. — Что с Мией, сука?! — кричу не своим голосом и кидаясь к машине.

— Эй, а ну стоять! — Илья бросается наперерез, хватая меня за талию и оттягивает в сторону.

Как раз вовремя, иначе бы эта дрянь меня сбила. Сбила бы и даже не остановилась, господи!

Все, что я могу, — это от души пнуть бампер и выругаться отборным многоэтажным матом, от которого Илья из Гиндера тихо присвистнул.

— Я не виновата, он лежит неправильно! Хрен пойми, почему не получается!! Звоните в «Скорую» и молитесь! — кричит женщина и продолжает давить на газ.

Едва стальная хватка мужских рук ослабевает, я вырываюсь, поднимаю первый попавшийся камень и швыряю его в сторону белого «мерса». Четко попадаю по заднему

стеклу, которое тут же покрывается мелкой паутиной из трещин. Удовлетворенно улыбаюсь на долю секунды.

— Я тебя из-под земли достану! — ору вслед.

Илья хмурится и поворачивается ко мне. Я уже понимаю, насколько все плохо, и меня снова начинает колотить. Происходящее длится от силы секунд пять. Все это время Мия в доме.

— Ты «Скорую» вызвала? — спрашивает Илья.

Как только я сообщила ему по телефону, что домашние роды длятся больше двух суток, он приказал: «Кидай мне адрес и звони в неотложку. НЕМЕДЛЕННО».

— Сразу, как ты сказал. Но они еще не приехали. — Стреляю глазами на часы.

Мы находимся в дачном поселке, здесь чудесный свежий воздух, горная речка. И никакой цивилизации!

Илья кидается к машине, достает чемоданчик и говорит:

— Пойдем посмотрим, что можно сделать, пока ждем.

⋮

14

ГЛАВА 2

Первое впечатление подсказывает, что дома никого нет, но оно обманчиво. Тишина рождает внутри ужас, который пробирает до костей. Тишины здесь быть не должно. Еще пять минут назад Мия громко дышала и стонала. Я сжимаю ладони и умоляюще смотрю на Илью. На фотографиях он казался мне моложе. Сейчас же разница в десять лет бросается в глаза. Рядом со мной, в одежде цвета хаки и тяжелых берцах, взрослый большой мужчина, которого я вижу впервые в жизни. И который, возможно, единственное спасение для Мии.

Если он меня не обманул и действительно доктор. А если нет?! Можно ли доверить жизнь сестры парню с сайта знакомств?!

— Эй, кто есть дома? — говорит он громко.

Ответом ему служит эхо. Илья смотрит на меня и потирает глаза:

— Веди.

Дом и правда огромный, несложно заблудиться.

Арсения нигде не видно, Мию мы находим в ванной комнате. Она лежит на боку на какой-то узорчатой подстилке

и тихо плачет. Все еще беременная. Вокруг так много крови, что у меня кружится голова, к горлу подкатывает тошнота.

— Эй, вы как? — Илья кидается к сестре, садится рядом, проверяет ее пульс, совершает еще ряд манипуляций, за которыми я едва успеваю следить.

Я замираю и не двигаюсь. Перед глазами вспышки и белая пелена.

— Поторопи «Скорую»! — говорит он мне быстро. — Скажи, ситуация экстренная. Нам нужны взрослая и детская реанимации. Переливание крови. Поля! Живо!

Я киваю и достаю телефон.

Он в это время очень быстро моет руки, открывает чемоданчик, натягивает перчатки и обращается к Мие с чередой вопросов, но она не отвечает, только плачет.

— Да блин, где отец? — ругается Илья. — Как вас зовут?

— Она Мия, — подсказываю я.

— Все будет хорошо, Мия. Я врач, и я тебе помогу. Посмотри на меня. Я с тобой.

Она хватается его за руку крепко-крепко. Откуда только силы взялись!

— Вы не уйдете? — умоляет. — Все ушли. Мне так страшно. Я умру?

— Нет, я буду с тобой до конца, и я тебе помогу. Давай разберемся, что происходит и как тебе можно помочь, — говорит он очень спокойно.

— А он... боже? Мой малыш? *Она* сказала, что не повезло, — шепчет Мия и начинает рыдать.

— Эта женщина, судя по всему, имеет весьма отдаленное отношение к медицине. Давай-ка все выясним сами?

Его голос мягкий и ободряющий, у меня волоски дыбом от того, как именно он произносит слова. С легким акцентом, что оказывается сюрпризом. Лишь по глубокому залому между его бровями я понимаю, что дела не так шикарны, как он утверждает. Интуитивно чувствую, что нам нельзя допускать паники Мии, поэтому, пока говорю с оператором неотложки, выхожу из ванной.

А когда возвращаюсь, Илья командует:

— Подержи ей голову.

Я боюсь. И... цепенею.

— Полина, мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, соберись и помоги мне.

Киваю и направляюсь к сестре.

Дальше все как в тумане. Он командует, я что-то делаю. Стараюсь не смотреть, чтобы не рухнуть рядом с сестрой. «Скорая» приезжает только через десять минут. Звук сирены — лучшая музыка, которую я когда-либо слышала. Навостряю уши, приподнимаю голову, смотрю на Илью — тот кивает, разрешая. И я срываюсь с места. Несусь встречать врачей и показывать дорогу. В такие моменты действительно понимаешь значение слов «Скорая помощь»: у докторов неотложки нет времени разуваться или надевать бахилы. Вежливо здороваться и улыбаться. Они спасают жизни. Бегом устремляются в ванную, на которую я тычу пальцем, нетерпеливо прыгая на месте. На слова нет сил, они это видят и не спрашивают.

Илья быстро объясняет ситуацию. Ребенок лежал неправильно, поэтому потужной период растянулся на много-много часов. УЗИ нет, обменной карты — тоже нет. Он как раз реанимировал новорожденного, когда в ванную комнату ворвались доктора. Я впервые вижу, чтобы люди в белых халатах бегали. Не ходили быстрым шагом, а именно носились галопом. Новорожденного утаскивают в машину, Илья пока занимается Мией. Она потеряла много крови и отключилась. Он сам весь в ее крови.

— Выйди сейчас, — говорит мне.

И я слушаюсь. Забиваюсь в уголок в коридоре и рыдаю.

Вскоре ее уносят на носилках в машину, которая, включив сирену, срывается с места. Илья подходит ко мне. На него словно перевернули банку с краской. Красной. Он умылся, но не идеально.

— Угостишь? — кивает на пачку сигарет, которую я отчаянно сжимаю в руках.

Мы выходим на улицу, и он устало плюхается на крыльцо. Я присаживаюсь рядом и протягиваю ему открытую пачку.

— Слушай, я, наверное, брошу. После такого, — говорю ему, не сводя глаз с кареты «Скорой помощи», которая уже превратилась в точку, но все еще видна. — Все время собиралась, а тут вроде как повод.

— А я, пожалуй, снова начну, — отвечает медленно. Зажимает сигарету между зубами, шелкает зажигалкой. Глубоко затягивается, потом выпускает дым изо рта и носа.

•
•
•

— У них все будет хорошо? — спрашиваю.

— Я не знаю.

Я жду ответа.

— Прости. Я и правда не знаю.

— Но ты же врач!

— Поля, я хирург-травматолог, а не акушер. Никто бы в здравом уме при таком положении плода не пустил Мию в роды. Кесарево без вариантов. Но мы сделали все, что смогли. — Илья смотрит на меня и не отводит взгляд: — Я тебе клянусь.

Я все же прикуриваю, силясь в очередной раз не затопить мир слезами.

— Честное слово, я никогда не заведу детей. Никогда-никогда-никогда в жизни!

Он долго смотрит на меня, чуть прищурившись от едкого дыма.

— Сделаю вид, что не слышал этого. Какие у тебя планы сейчас?

— Поеду в больницу. Надо еще папе голосовуху записать. — Мой голос дрожит, а слезы продолжают омывать лицо. — И Насте. Боже. — Тру лоб. — Как страшно! — Я затаиваюсь, но давлюсь дымом и кашляю. — Почему я не вызвала «Скорую» раньше?! Надо было уйти с последней ленты. Это я виновата!

— Ты ведь сделала это без разрешения. Могла бы вообще ничего не делать.

— Я растерялась. Арсений уверял, что все под контролем. Что все по плану! Идеальная беременность. Мия была такой здоровой, занималась йогой и прочим. В нашей семье главное зло — это я. Курю с восьмого класса, уроки прогуливаю. А Мия... она хорошая, понимаешь? За что ей это?

— Роды, принцесса, всегда непредсказуемы. Природой все продумано, это правда. Но машина с реанимацией должна дежурить у ворот на всякий случай.

— Если бы мы не приехали, она бы?.. — Мой голос срывается.

— Думаю, ты спасла ей жизнь, — говорит он серьезно. — И, надеюсь, ребенку.

Мы смотрим друг другу в глаза. Они у него светло-серые и уставшие. Но при этом... теплые и добрые. На фото-

графии казались хищными — меня это зацепило. Сейчас они другие. Он облизывает сильно обветренные и покрасневшие губы. Мой взгляд скользит по его лицу, по россыпи крошечных родинок на щеке, которые я вчера снова рассматривала, увеличив фотографию из Тиндера. Затем я прослеживаю линии подбородка и скул. Только сейчас замечаю, что он обросший и в изрядно несвежей одежде. Был за городом, как и писал. Что ж, пока он ни разу не солгал мне.

Разглядываю его как замороженная. Словно мужчин до этого момента не встречала. Наверное, все еще нахожусь в стрессе. Он берет мою руку, что сжимает сигарету, и я вздрагиваю. Тянет к лицу, обхватывает губами фильтр и снова затягивается. Жадно. Я слежу за тем, как он втягивает в себя дым, как выпускает. Мои пальцы так близко к его губам.

Входная дверь хлопает, мы резко оборачиваемся. На крыльцо выбегает Арсений. Он очень бледный, держится за голову. Отрубился, что ли?

— Где Мия?! — кричит он. — Ты кто, мать твою, такой?! Что происходит?

Илья коротко и безэмоционально представляется и сообщает, в какую больницу повезли Мию. Теперь я знаю его фамилию. Ветров. Доктор Илья Ветров. После чего он смотрит на меня:

— Тебя подбросить до города?

— Нет, я на машине.

Большое искушение принять предложение Ильи и расслабиться на переднем сиденье, но у меня нет ни малейшего желания оставлять здесь свое авто.

— Если у вас есть хоть какой-нибудь договор с акушеркой на роды, я бы рассмотрел вариант обратиться в полицию, — вкрадчиво произносит Илья.

— Сам разберусь, — рявкает Арсений.

Он изрядно нервничает, и мне хочется верить, что до него наконец дошло: из-за его упертости едва не погибли люди. Моя сестра.

Направляясь к дверям, я не удерживаюсь и брезгливо плюю в его сторону.

— Ненавижу тебя! — кривлю губы. — Всем сердцем ненавижу!

•
:

18

— Однажды ты допрыгаешься, мелкая эгоистичная дрянь! — Арсений делает несколько шагов в мою сторону. — Я тебе обещаю.

— Ну давай, ударь! Пусть отец сегодня все же лишится из-за тебя одной дочери! — кричу я с вызовом. Сжимаю кулаки.

Арсений смотрит на Илью, взгляд которого прямой и острый. Теплоты больше нет, в глазах явная угроза. Его теплота осталась со мной, она затапливает изнутри, да так сильно, что я хочу взять его за руку. Арсений разворачивается и заходит в дом.

— Дать еще сигарету? — спрашиваю.

— Пожалуй, парочку, — отвечает он, слегка приподняв брови. — Точно не хочешь, чтобы я тебя подбросил?

ГЛАВА 3

По пути в город прошу его сделать всего одну короткую остановку на заправке, чтобы умыться и попить воды. Я неплохо держусь, учитывая случившееся.

— Да, Настя, в том-то и дело! — говорю с мачехой по телефону. — Все шло идеально: легкая беременность, начало родов как по учебнику. Да-да, именно так все и было! Пожалуйста, дозвонись отцу! Я умоляю тебя. У тебя точно получится.

— Разумеется, дорогая. Поля, ты как сама?

— Нормально. Я в порядке. Колотит, конечно. Очень за Мию переживаю. И за малыша.

— А кто родился все-таки?

Я как раз сажусь в машину и передаю вопрос своему спутнику. Смотрю на Илью в ожидании ответа.

— Девочка, — сообщает он коротко. Вновь жмет на газ, и машина плавно трогается с места.

— Девочка! Племянница, — передаю Насте.

— Поняла. Все, я выезжаю в больницу, увидимся там.

— До скорого! Спасибо!

Я сбрасываю вызов и кладу руки на колени, словно робкая школьница за партой первого сентября. Лишь через несколько минут отмечаю, что сижу в очень зажатой позе, это обычно мне несвойственно. Напряжена, мол-

ча провожаю взглядом редкие деревья, мимо которых мы проносимся. Стреляю глазами на Илью из Тиндера. Он свободен и не ищет серьезных отношений. Я помню каждое слово из его анкеты. Ему почти тридцать, он намного старше жены моего отца.

— Скоро уже, — говорит Илья, прикрывая кулаком рот и широко зевая. — Минут двадцать, и будем на месте.

— Спасибо тебе.

— Пожалуйста. Напиши мне потом, как она. Я буду волноваться и ждать.

— Ты не пойдешь со мной? — Я почему-то боюсь остаться без него.

— Поеду домой. Надо помыться, чтобы никого не пугать своим внешним видом. Может быть, немного посплю.

Он бросает взгляд на испачканную форму цвета хаки. И лишь сейчас я замечаю на ней нашивки. То есть это не просто походный немаркий костюм.

— Ты где-то служишь?

— Да, были на сборах как раз, только вернулись. Обрадовался, что ты написала мне. — Илья бросает на меня хитрый взгляд, и я улыбаюсь в ответ. — Напишешь еще?

— Да. Да, конечно! — киваю и снова улыбаюсь, чувствуя, как слегка розовеют щеки. Смущение? Нет, я абсолютно уверенный в себе человек! Что же тогда?

Мне бы хотелось хорошенько осмотреться в его машине и как следует изучить сидящего рядом мужчину, но мысли о сестре снова и снова заставляют сердце колотиться быстрее. Берут его в тиски, опасно сдавливают, так что тяжело делать вдохи. Я вновь стискиваю пальцы и молюсь. Закрываю глаза, начитывая одними губами «Отче наш».

Чувствую, как он сжимает мою ладонь. У него сильные руки, и они не дрожат. Совсем. В отличие от моих.

— Подыши со мной. Пожалуйста. Вдох-выдох. Давай вместе.

Я смотрю на него и снова киваю. Папа бы не поверил, что я могу быть такой послушной и покладистой. Безропотно исполнять команды, впитывать каждое слово. Отец, кстати, все еще недоступен. Ни разу за полдня не заглянул в почту.

Настя ждет меня на крыльце больницы. Я выхожу из машины и кидаюсь к ней. Обнимаю изо всех сил за шею.

Бедняжка впадает в шок от такой реакции. Не сразу начинает обнимать в ответ. Потом неуверенно кладет руки на мою спину, и я тут же ее отталкиваю. А то еще привыкнет.

— Ну что, пойдём? — спрашиваю.

— Да, попробуем поймать какого-нибудь врача.

Напоследок я оглядываюсь и смотрю на машину единственного человека, который сегодня ответил на мой звонок и поверил взволнованному голосу.

«Илья Ветров», — произношу одними губами.

Он будет моим первым. Разумеется, не единственным, но первым. Военный врач на скромной машине, с железной выдержкой и красивыми глазами.

— Кто этот парень? — спрашивает Настя чуть позже.

Сразу после того, как мы переговорили с врачом. С Мией сейчас все хорошо — они с малышкой обе в стабильно тяжелом состоянии, но самое главное, что нет ухудшений. Они в надежных руках.

— Какой парень? — Я не сразу понимаю, о ком она говорит. — А, Илья. Он врач, мы недавно познакомились.

— Ты не рассказывала.

— А должна была? — приподнимаю брови.

Ее сотовый вибрирует. Она быстро достает телефон. Это отец. Я бросаю взгляд на экран телефона — там попрежнему пусто. Ни пропущенного, ни звонка.

— Ладно, мне пора. — Быстро киваю. — Объясни ему ситуацию.

«Все будет хорошо. Все обязательно будет хорошо», — шепчу себе, набирая сообщение водителю о том, чтобы забрал мою машину и пригнал домой. Девочки в нашей семье сильные и живучие. Мама попала в аварию, когда была мной беременна, я родилась намного раньше срока. И вон какой выросла! Метр семьдесят пять ростом! Когда надеваю каблук, то намного выше папы. Мама была непоседливой, дерзкой и абсолютно невыносимой! Такой же, как я. Улыбаюсь, когда вспоминаю слова отца. Еще моя мама была умной и красивой. Я люблю рассматривать ее фотографии. Мне ее не хватает.

Мой психолог считает, что я поэтому так болезненно восприняла мужа Мии — из-за ревности. Мне показалось, что, выходя замуж, сестра будто бросает меня, хотя это не так. Посмотрим, что Юлия Владимировна скажет

на то, что натворил Арсений. Кусок дерьма он, поэтому я его и возненавидела с первого взгляда. А не из-за каких-то там травм детства!

Пишу Илье: «Ситуация стабильна, обе живы».

Он отвечает: «Слава богу».

«Ты считаешь, что Бог существует?») — тут же спрашиваю.

«Конечно. Он всегда со мной. И с тобой тоже».

«Такой большой, а в сказки веришь! Мир жесток, и никто за нами не присматривает. Всем на всех плевать», — строчу ему.

«По-твоему, непременно нужно становиться циником?»

«Это такой критерий взрослости, чтоб ты знал», — пишу, усмехаясь.

«Напротив. Цинизм — простой способ самозащиты. Ты как бы убеждаешь сама себя: везде всем плохо. Везде херово. Зачем тогда переживать? Это тебя успокаивает и позволяет не бороться с несправедливостью».

«Ну и дурак!»

Сначала отправляю, потом думаю, как это выглядит со стороны.

«)))».

Пусть запихнет себе эти скобки сам знает куда!

Я злюсь, пока жду такси. Уже на заднем сиденье авто, слегка успокоившись, пишу ему:

«А разве можно как-то выжить в этом мире и при этом не стать циником?»

«Нужно, Поля. Обязательно нужно».

ГЛАВА 4

Следующие два дня проходят в какой-то болезненной суматохе. Я постоянно проверяю телефон в ожидании сообщений от сестры. Она редко пишет, в основном спит. Мы не обсуждаем случившееся, будто не были в этой ванной втроем. Не боролись за ее жизнь. Пару раз я пыталась что-то рассказать про Илью, поделиться, как он ругался из-за случившегося:

— Хоть бы в черте города экспериментировали, раз уж уповают на естественность! «Скорая» еле нашла ваш посе-

•
•
•

лок! А если бы не нашла? Мы бы с тобой, моя боевая подруга, вдвоем могли не вытянуть.

— Акушерка заверяла, что все пройдет хорошо, — лепетала я в оправдание сестры.

— У нее экстрасенсорные способности, я полагаю? Вся эта кухня — вне закона, потому что лицензию на проведение домашних родов в РФ получить нельзя. Соответственно, нет никаких регламентов, правил. Сплошная импровизация от и до! Тебе самой не жутко?

Еще как...

Но Мия упорно оставляла подобные сообщения без ответа.

Ей было неинтересно. Она вообще стала не от мира сего с тех пор, как связалась с этим Арсением. Кажется, нажаловалась папе, потому что следующий наш телефонный разговор отец начал с фразы в приказном тоне:

— Не вмешивайся, Полина. Я сам во всем разберусь. И оставь сестру в покое, пусть восстановится.

С одной стороны, я была с ним согласна: к чему сейчас махать шашкой? Случившегося не исправить. Главное, что все живы. Но с другой... почему хотя бы не попытаться привлечь ту женщину к ответственности? Да и Арсения, чтоб ему самому пережить подобное!

— Когда Мия подает на развод? Это единственное, о чем я хочу знать.

— Поля, ну что мне с тобой делать?!

— Полина поняла, Полина молчит! — От досады закусываю губу.

— Кстати, слышал, что ты не ходишь на учебу.

Да, это сейчас особенно важно. Мир погибнет без очередного экономиста.

— Всего пару дней пропустила. Для меня случившееся тоже стресс. Папа, я так испугалась! Господи, папочка, скоро ты приедешь?

— Послезавтра. Ты ходила к психологу?

— Да.

— Хорошо.

Дальше мы замолкаем. Оба не знаем, что сказать. Я чувствую себя крайне уязвимой, потому что позволила себе сорваться на эмоции. Он не представляет, что

с этой уязвимостью делать. Мы давно не общались искренне и начистоту. Наверное, с появления в наших жизнях Насти. Вот, кстати, еще один человек, к которому я якобы ревную. Не Поля, а всадник Ревности, отравляющий жизнь всем, кто услышит топот ее боевого коня. Еще один предвестник апокалипсиса! Я закатываю глаза и вздыхаю.

Отец словно видит это, хотя между нами много тысяч километров, — все же он неплохо меня знает. Как облупленную! Переводит тему:

— Скинь мне номер того врача, что прибыл первым и принял мою внучку.

— Он не возьмет денег. Он приехал, потому что я попросила. Он друг. — Ловлю себя на том, что улыбаюсь. Впервые за день. — Мой друг.

— Посмотрим. Но номер скинь, предложить-то надо. Нехорошо.

— Ну да, бесплатно-то со мной никто не станет общаться, — бубню я.

— Повтори-ка? Что-то со связью, плохо слышу.

— Ничего, пап, это телевизор. Сейчас скину. Ты напиши потом, взял он деньги или нет.

— Зачем?

— Просто интересно.

А еще важно. Почему-то очень для меня важно.

— Ты мне ничего про него не хочешь рассказать? Сколько ему лет? Откуда у тебя взрослые друзья? — Папин голос становится не то игривым, не то строгим. Что-то между.

Таким же тоном дальние родственники интересовались, есть ли у меня женихи. Когда мне было девять.

— Па-а-апа-а-а, — тяну укоризненно. — Хорошо, я напишу.

Сбросив вызов, я возвращаюсь к делам. Смотрю расписание занятий на завтра, гадаю, как бы незаметно испортить Насте настроение... И еще размышляю, пригласит ли Илья меня на свидание? На настоящее, полноценное свидание!

Он очень отличается от всех парней, с которыми я до этого флиртвала или дружила. Большинство из них мечтают закрутить роман с дочерью бизнесмена Барсукова. Заглядывают мне в рот, охотно идут на контакт. Ветров же

•
•
•

все время переносит наши встречи! Динамит меня, при-
творяется, что есть дела поважнее!

Я, Полина Барсукова, предложила ему заняться любовью! Да половина парней нашего универа умерла бы от радости. Вторая половина — стянула бы трусы немедленно. Ветров же пообещал как-нибудь угостить кофе.

Зачем-то в очередной раз пробегаю глазами все наши переписки. Он забавный! А еще так смешно отреагировал на предложение стать моим первым. После этого начал обращаться ко мне «моя девочка». Будто я уже «его». Какая идиотская банальщина! Аж волосы дыбом от этих его слов. И приятно так, сладко на душе. Я попала в беду, и мой парень сорвался, приехал и спас мою сестру. Ради меня.

Мой парень.

Курил сигарету из моих рук...

Дела у меня в последнее время идут не очень хорошо — я часто ссорюсь с друзьями, много времени провожу в одиночестве. А с ним мне как-то... иначе, что ли? Он взрослый и будто с другой планеты. Не такой взрослый, как папины друзья, но почти такой же надежный. С ним я робею и не решаюсь спорить. Все больше слушаю.

Сверху всплывает окошко. Короткое сообщение от отца: «Взял».

Всего одно слово, но я сразу понимаю, о ком речь.

Осторожно откладываю сотовый на стол и смотрю в окно. Молчу. Только сердце колотится.

Ну вот, все правильно. Врач выполнил работу, получил за это вознаграждение. Щедрое. Ничего личного. Вообще ничего личного.

Что же оно так колотится-то! И слезы подкатывают.

ГЛАВА 5 ИЛЬЯ

— И как там твоя принцесса? — спрашивает коллега во время операции.

Часовой остеосинтез бедренной кости подходит к концу, пациент, несмотря на преклонный возраст, переносит

хорошо. Близится вечер, четвертая плановая операция — народ устал и хочет отвлечься.

Интересно, еще хоть кто-то не в курсе событий, что происходят в моей личной жизни? Которой я занимаюсь, на минуточку, в нерабочее время.

А с чего все началось? Главврачу позвонил «сам Барсуков», как мне передал потом заведованием дословно... Хотя даже не так. Он сказал: «САМ Барсуков позвонил и поблагодарил!»

За спасение роженицы и новорожденного меня поощрили уважительным хлопком по спине, а потом, конечно, отругали, что полез. Случись беда — искали бы крайнего. Родственники крайними быть не любят, акушерку ищи по городу. Она уже и номер телефона сменила, наверное. Будет лгать и отпираться до последнего вздоха, уверяя, что ее там не было.

•
:
26

А я такая удобная мишень. Врачебная ошибка и прочее. Заведованием хирургии — мужик отличный, как отец нам всем родной. Вот только я бы лучше сиротой остался.

Меня прямо с утра вызвали в кабинет. Не успел зайти и закрыть за собой дверь, как услышал:

— Тебя переводят на новое место.

Я аж дар речи потерял. Смотрел на заведованием — ему хорошо за шестьдесят, высокий тучный мужчина, до сих пор блестящий хирург. Взгляд — суровый, погоняло — Пушкин, потому что Александр Сергеевич. Он хмурился и кивал, дескать, такие вот новости. Рядом с ним еще один хирург и его лучший друг — Чернов. Личность неприятная, если не сказать противная, погоняло среди коллег — нелитературное. Смотрел на меня с сочувствием.

Ппц.

— Хоть не на Камчатку? — спросил сразу, припомнив свое первое распределение в такие дальние дали, что сбежал оттуда в горячую точку. От смертельной скуки.

Тот губы поджал, насупился. Молчал, не зная, как мне сказать.

— Я ж только с декабря работаю, полгода не прошло. — Понимал, что бесполезно, но вот так сразу принять новости не получалось.

На лице Пушкина не было ни тени улыбки.

— Я боролся, но ничего сделать не мог, — оправдывался он. — Сам понимаешь, сверху дали сигнал. — При этом бросил скорбный взгляд на потолок: там пыльная люстра. Он тоже думал о том, что хорошо бы ее помыть, на пару секунд забыв о моей судьбе.

— Меня и так постоянно на всякие сборы гоняют.

Между прочим, это удовольствие дополнительно не оплачивается. А неудобств — масса.

— Ты себя блестяще показал, Ветров. И за твои заслуги перед Отечеством мы переводим тебя... добровольно-принудительно... в гинекологию, — закончил Пушкин. И начал ржать.

Я моргнул, потом чуть сильнее сжал челюсти. Дебилы.

— У них там снова нехватка. Ольга Дмитриевна на пенсию ушла! — вторил Чернов. — Сказали, такие находчивые ребята им нужны!

— Парень с боевым опытом, нервы крепкие, то, что надо в гинекологии! — продолжал Пушкин, уже покраснел весь, слезы вытирал. Хохотал так, что аж хрюкал.

Я против воли почувствовал, как слегка лихорадит. В гинекологию, ну да. Смешно. Очень. Тоже улыбнулся, оценил шутку. Не скоро мне забудут позавчерашний подвиг.

— Роддома у нас тут нет, уж извиняй, но если сильно тянет...

— Издевайтесь сколько угодно, — тоже начал посмеиваться, подыгрывая Пушкину. Можно было, конечно, и съязвить, но тем самым я лишь подогрел бы их ажиотаж. Так что лучше было не нарываться.

— Какого хрена, Илья? — Пушкин вдруг сменил тон, всплеснув руками.

— Так получилось. Я был поблизости и приехал раньше «Скорой». Что, нужно было сидеть рядом и ждать, пока сердцебиение плода вовсе прекратится?

Он встал из-за стола, принялся мерить кабинет широкими шагами и заламывать руки. Потом подошел ко мне и похлопал по спине.

— В нашем госпитале нет родильного отделения. А знаешь почему? — не унимался Чернов.

— Потому что служат в основном мужчины.

— А у них что?..

— Матки нет, — сдался я.

— Какой молодец! Анатомия — пятерка! У мужиков хер, а не вагина. Но ты, я смотрю, на все руки мастер! Хотя бы намекнул, я б тебя пристроил вон в четвертый родильный. Или в перинаталку, — все не унимался Чернов с матерным погонялом. Нетрудно догадаться, откуда оно появилось.

Но при этом я понимал, к чему они оба клонили.

— Опыт у меня есть, — сказал решительно. Тут слаби-ну дашь — съедят. — Я знал, что делаю. Все расписал в ра-порте. Там три страницы мелким почерком.

Пушкин смотрел на меня долго. То на одно плечо голо-ву склонял, то на другое. Как на дурачка или уродца.

— В Сирии обстоятельства были разные, — продол-жил я. — Там не спрашивали специализацию, опыт, зна-ния. Если врач — значит, работай. Можешь спасти — спа-сай. Я оказался в схожей ситуации и действовал. За каждое движение могу ответить. Итог — обе пациентки живы.

— Но сейчас мы не в Сирии, а в России. В Красноярс-ке. В мирное, мать твою, время. Але!

— Я понял.

Он нахмурился.

— Тебе повезло, запомни это. И на рожон больше не лезь. Вообще к этой семье не лезь. Держись от них по-дальше.

— А то что? — спросил, приподняв брови.

— А то карьеру свою похоронишь. Что я твоим роди-телям скажу? Кто им поможет? Военную ипотеку хоть до-ждись. Игорь Андреевич за тебя поручился перед Барсуко-вым, но терпение у него не железное.

Повисла пауза. Меня не отпускали, поэтому я стоял и молчал.

— Я не шучу, Илья. Полезешь к дочери САМОГО Бар-сукова — тебя через годик и правда отправят в какой-ни-будь Северодвинск.

— Надеюсь, у них там хороший роддом.

Пушкин сощурился, потом всплеснул руками.

— Иди работай. Пока все.

Я кивнул, развернулся и направился к двери. Он меня окликнул уже у самого выхода:

— Илья, тебе не хватило войны?

•
:

— Я просто хотел помочь. Знал, что у меня получится. Был уверен.

Тот лишь покачал головой.

Два года службы по контракту наложили отпечаток. Сам не заметил, а окружающие говорят об этом. Что изменился. Тяжелее стал по характеру и более замкнутым.

— Она не принцесса, — улыбаюсь я. Под маской не видно, но по глазам коллеги считают. — Она мажорка.

Хорошее слово, хлесткое. Полностью ей подходящее.

В ответ все смеются. Почему мы так много говорим о Полине? Потому что я новенький и все лезут ко мне в душу. И не дай бог случайно ляпнешь — слухи бурным потоком пронесутся по всей больнице. Даже пациенты, должно быть, шушукаются. Илья Ветров принял роды у одной из дочек самого Барсукова (да кто этот мужик такой-то?! Надо хоть погуглить). А со второй — крутит роман.

Две дочки, везде отметился.

— А есть разница между принцессой и мажоркой?

— Да, еще какая, — объясняю. — И слава богу! Потому что на роль принца я тяну не особо.

— А на чью роль тянете, Илья Викторович? — хихикает медсестра Женя.

Хорошенькая, между прочим. Но замужем. Облом по всем статьям. Кстати, в гинекологии девчонок работает больше. Может, и правда поменять специализацию?

— Вот здесь поддержи, — командует хирург. — Смотри, как вышло. Видишь?

Киваю.

— Дальше шей.

Принимаюсь за работу.

— Жень, я тяну на роль сомнительного парня. Такие крайне интересуют мажорок, пока те не становятся принцессами.

— Это такие этапы развития в королевском дворце?

— Думаю, да. Из куколки в бабочку.

Полинка — самая настоящая куколка. Ладная, свежая, яркая. Такими, по-хорошему, только издалека любоваться. Я был польщен, когда она меня свайпнула в Тиндере. Первая.

— Когда уже операция закончится и вы заткнетесь, — вздыхает коллега.

— Если вам неинтересно, Михаил Геннадьевич, не слушайте! Илья Викторович, так что там с этапами взросления мажорок?

— Сомнительный парень, у тебя сегодня двадцатичасовая смена. Не забывай об этом.

— Ску-ука, — тяну я.

— Принцессам еще нравятся рыцари, — мечтательно вздыхает Женя.

— А их родителям — не особо, — бубнит зануда Михаил Геннадьевич, — в том числе их заработные платы. Этих рыцарей.

— Зато форма красивая, — не сдается медсестра.

— Женя-Женя, — укоризненно качает головой хирург. Я же ей быстро подмигиваю.

Возвращаюсь домой следующим ранним утром. А в обед меня будит звонок с неизвестного номера.

•
•
•

ГЛАВА 6 ПОЛИНА

Папа всегда непростительно щедр, когда дело касается дочерей. Думаю, он не поскупился и в этот раз. С лихвой компенсировал Илье из Гиндера причиненные неудобства. Наверное, мне больше не стоит чувствовать себя должной. И такой благодарной.

Спасение жизней — это ведь тоже работа. Требуется ли она какого-то особенного восхищения или отношения? Кто-то продает яблоки, кто-то — газ. Кто-то делает мебель, кладет плитку во время ремонта... Каждый занят своим ремеслом.

Мне становится зябко, и я подхожу к окну. Закрываю его, забираюсь на подоконник — он очень широкий — и обхватываю колени. Интересно, найду ли я свое предназначение?

Телефон вибрирует. Бросаю взгляд на экран — это Олеся, моя близкая подруга. Вообще, моей самой близкой подругой, буквально частичкой души, всегда была сестра. Мы жили в соседних комнатах, все свободное время про-

водили вместе. Потом Мия переехала к мужу, и мне пришлось как-то выкручиваться самой. Папа по-прежнему много работал, няня стала мне вроде как не по возрасту, но вместо нее у нас поселилась Настя.

О, что это? Неужели снова топот копыт всадника Ревности? Кыш-кыш, лошадка, у нас тут взрослая девочка.

Я морщусь и встряхиваю плечами, словно скидывая невидимые оковы. Быстро открываю сообщение. Олеся зовет в клуб — потанцевать, поболтать, развеяться. Сначала отказываюсь: из-за Мии совсем нет настроения. Да и подвиг Ильи, ставший проплаченным, будто утратил героизм. Но в итоге принимаю приглашение.

Бросаю взгляд на часы — половина восьмого. Вторая пятница мая. Дом совершенно пустой. Как обычно. Криком кричи — только эхо ответит. Настя читает в своей спальне в конце коридора. Прийти к ней и пригласить вместе поужинать — для всадника Ревности это уму непостижимо!

— Ура! — радуется Олеся. — Пойдем в новое место, там очень круто! Влада с Галкой тоже будут.

Напоследок я еще раз листаю фотографии Ильи из Тиндера. Не без труда отрываюсь от его светлых глаз и принимаюсь рассматривать детали одежды. На трех фотографиях это футболки и джинсы, на двух — рубашки и брюки. А еще его шею обнимает одна и та же тонкая золотая цепочка. Кажется, с кулоном. Многократно увеличив картинку и прищурившись, я понимаю, что Илья носит крестик. Судя по всему — всегда. Наверное, не снимает его даже в душе. Станный он какой-то. Смешной.

Но денежки-то взял.

Бизнес-такси останавливается напротив клуба, мы выходим из машины и на пару секунд замираем. В таких заведениях я еще не была.

С важными лицами проплываем мимо охраны, на ходу доставая паспорта. Покупаем билеты и через минуту оказываемся внутри.

Ну, блин, вау.

Пытаюсь не тарашиться, но не очень-то получается.

Музыка здесь другая, люди другие. И запахи. Сложно объяснить... Всего так много, что я не успеваю следить за обстановкой. Обхватываю себя руками и зябко потираю

открытые плечи. Олеся под большим впечатлением — ее глаза возбужденно горят, она так пялится на окружающих, что хочется ее стукнуть.

Я веду себя естественно.

— Первый раз здесь? — кричит на ухо Влада.

— Каждое затмение я встречаю в клубе «Затмение»! — язвлю.

Она хохочет так, будто эта шутка смешная. Платить за ужин и напитки снова предстоит мне, поэтому любая моя шутка моментально взлетает в топ.

— Идем же, Поль! Что ты будешь пить? — Влада тащит меня в сторону бара.

Хотя совершеннолетней я стала только в прошлом месяце, мы с девочками и раньше тайком выбирались в ночные клубы, чтобы выпить по коктейлю и потанцевать. Но... там все было как-то иначе. Внезапно мне хочется оказаться в своей родной «Эре», где принципиально не круто. Но зато безопасно и понятно.

•
•
•

32

Делаю вид, что не робею. Минут пятнадцать мы, обескураженные, тянем напитки, заказываем по второму коктейлю. Я поздно вспоминаю, что ничего не ела с самого утра, и приятное тепло согревает изнутри. Плечи сами по себе расправляются, щеки розовеют.

Бросаю взгляд на сотовый — еще три сообщения от Ветрова. Весь вечер меня атакует в Ватсапе — я принципиально не читаю. Только селфи в сторис выкладываю.

— Наша любимая песня!!! — кричит Олеся в полном восторге.

Я прислушиваюсь и действительно узнаю нашу песню в новой обработке. Мы соскакиваем с высоких стульев и бежим танцевать.

С каждым движением становится все лучше. Легче. Веселее! И еще очень тепло. Так, что даже жарко! И почему я раньше боялась? Вокруг все улыбаются, танцуют, все непременно будет хорошо! Только сердце колотится все сильнее и сильнее. Сначала это будто приятно: дает силы, энергию. А потом мне становится душно.

— Давайте что-нибудь поедим! — кричу я на ухо Владе. Та размышляет пару секунд, а затем кивает.

Ценник здесь, конечно, нехилый.

— Берем все, что хотим! Не стесняемся! — объявляю я покровительственно.

Коктейли ударяют в голову, придавая смелости. Я открываю Ватсап и читаю от Ветрова:

«Привет! Как у вас сегодня дела? Есть новости?»

«Але, моя девочка. Мне не нравятся твои глаза на фотографиях».

«Игнор?»

Пф, на этот раз его «моя девочка» только раздражает. Вообще, подобные выражения — признак профессиональной деформации. Когда я выяснила, что он военный, хоть и врач, многое прояснилось. Некоторым парням в форме трудно преодолевать нормы субординации, и они начинают переносить их в личную жизнь. Понятно, что с начальством не поспоришь, а вот дома... Это мне объяснял отец, потом я еще почитала.

Расслабленно-покровительственные «моя маленькая», «моя девочка» — первый звоночек. Я прищуриваюсь, и в голове рождается план.

«Привет, Илья! Мы тут с подружками вышли развеяться. Не хочешь приехать? Клуб «Затмение». Представлю тебя девочкам», — быстро пишу и отправляю.

Он думает секунд пять.

«Да, скоро буду».

Я киваю самой себе и объявляю:

— Планы меняются.

33

⋮

ГЛАВА 7 ИЛЬЯ

Ну да, где еще могут веселиться мажорки?

ВИП-клуб для тех, кому бабло некуда девать.

Прикуриваю сигарету, пока ищу место для парковки. Дрянная привычка, пора с ней завязывать. Я и так долго держался: как перевелся на четвертом курсе в Томский военно-медицинский институт из Красноярской медакадемии — с тех пор ни-ни. Потом его, правда, закрыли, и доучивался я уже в Питере. Так вот, физические нагрузки убивали. Военный врач — это тот же самый врач, только он должен уметь еще и маршировать, бегать наравне с сол-

датами, прыгать с парашютом в полной экипировке. Стрелять тоже нужно уметь.

Нет, врачи, разумеется, не воюют и кровь не проливают. Но если ты ведешь колонну с ранеными в полевой госпиталь, а впереди внезапно оказывается неприятель, то сложить руки и уповать на совесть и сострадание противника — та еще глупость.

Всех перебьют. А кто попадет в плен... лучше не попадать. Ни за что на свете.

В мирное время все совсем иначе. А там, где я был... Постоянный адреналин в крови и ежесекундная готовность спасать людей во всех смыслах этого слова. У меня есть боевой опыт, поэтому со мной иногда так трудно. А еще мне самому бывает непросто. В некоторых мирных ситуациях. Обыкновенных и привычных для окружающих людей.

Моя бывшая девушка вам может порассказывать. Банальная история любви — ординатор и медсестра, банальная жизнь, банальный разрыв. Потому что Северодвинск, которым мне угрожал Пушкин, — это, в общем-то, отличный город, бывает и похуже. Намного хуже, уж поверьте мне. Когда день за днем только и делаешь, что лечишь сопли срочникам и отбиваешься от них же отборным матом, потому что солдаты знают наверняка: ты единственный во всей округе, у кого есть спирт.

Смотрю на вход в элитное заведение. На хрен мне это надо?

Казалось бы.

Но в последние дни я закрываю глаза и мысленно оказываюсь на крыльце того огромного особняка у речки. Руки и одежда в крови роженицы. Рядом восемнадцатилетняя девчонка, напуганная до смерти. Курю ее сигарету и чувствую, как кровь несется по венам. Чувствую себя живым.

Приходится немного пободаться с охраной, после чего меня наконец пускают в «Затмение». Захожу, оглядываюсь — типичная тусовка тунеядцев, которые я никогда не понимал. Зачем на это все тратить время? Когда столько нового можно прочитать и изучить дома.

Хотя признаю, лгу. По юности мне хотелось оказаться среди всего этого веселья, хватануть легкой жизни. Кайфануть. Но нужно было выбирать. Денег на профкурсы по хирургии у меня, конечно, не было. Я в военный институт-то

•
•

перевелся в основном из-за стипендии — тогда еще можно было это осуществить. Поэтому мы с товарищем тренировались шить на старых коврах. Аккуратно разрезали, а потом сшивали. Раз за разом, раз за разом. Секрет, разумеется, никому в этом не признаюсь. Какие уж там клубы.

Быстро прохожу по первому ярусу, поднимаюсь на второй и застываю.

Капец какая она, конечно, красивая. На секунду мне даже кажется, что мир вокруг нее останавливается. Тускнеет, сливается в темный фон. И лишь Поля танцует в черном коротком платье с оголенными плечами. Платье свободное, я бы даже сказал, на мешок похожее. Но Полина двигается, и фигурка легко угадывается. Она не тощая, в отличие от многих своих ровесниц: и попа, и бедра на месте. Небольшая грудь в контрасте. Изумительно просто.

В голову противным голосом Богомолова на мгновение врывается известная песня: «Ты попал, парень, в клетку-у-у».

Я слглатываю скопившуюся слюну.

На нее смотрят другие мужчины — меня это раздражает. Слишком молода, слишком красива. Короткая вспышка гнева, которую быстро гашу. Мирное время. Все вокруг хорошие. Врагов нет.

По крайней мере, не мне с ними разбираться. Пусть бойцы из отряда выезжают. Были вместе в последней командировке, так наслушался баек.

Я подхожу к Полине и слегка улыбаюсь, чтобы не испугать.

Она вскидывает глаза. Темные, наивные. И тоже улыбается. Кладет руки на мои плечи, тянется, приподнимаясь на цыпочки.

Наклоняюсь навстречу и вдыхаю запах ее кожи и каких-то дорогущих духов.

Она шепчет мне на ухо:

— Я так рада, что ты приехал! Огромное тебе спасибо, Илюш.

Терпеть не могу, когда мое имя коверкают, но мне нравится, как она произносит шипящую «ш». Мне на ухо.

Кладу руки на ее талию. Тоненькая такая. У меня мысли путаются в голове. Ладно, признаю, не избалован я женским вниманием. Не урод внешне, все на месте, но банально некогда было. Все время некогда. То ковры, то

такие места обитания... Да, Северодвинском меня не напугать. А, к черту!

Наклоняюсь ниже и целую ее. Вот прямо так сразу, без предисловий. Мы вместе в аду побывали — как еще назвать минуты, когда человеческие жизни находятся на кону. Ее сестра так намучилась, бедная — сил уже не было тужиться, когда головка плода наконец встала в таз и ребенок пошел. Счет был на секунды: у меня с собой ни вакуума, ни щипцов, конечно, не было. Откуда? Как Мия ее вытужила — одному Богу известно.

Рождение... эти минуты всегда особенные, кто хоть раз присутствовал — знает. И пусть у меня не было и доли секунды проникнуться моментом, но я его прочувствовал.

И Полина тоже. Для нее не прошло мимо — я точно знаю, хотя она и выпендривается.

Поля замирает, а следом сжимает мои плечи сильнее. Я очень осторожно, чтобы не спугнуть и не обидеть, поглаживаю ее по талии. Ни сантиметра ниже. Маленькая она. Нельзя. Рано.

Совершаю неспешные движения ртом — она не сразу дается. Губы не размыкает, я не настаиваю. Так с ней тоже приятно. Стоим, привыкаем друг к другу. Очень близко, потому что куда уж ближе? Кругом музыка, люди. Хотелось бы о них забыть, но не получится.

Она опять приподнимается на цыпочки и позволяет мне коснуться ее языка своим.

Вкусная. Я отчетливо ощущаю алкоголь и никотин, но даже с учетом этого — мне нравится.

Мы начинаем целоваться по-настоящему. И когда я отрываюсь от нее, глаза моей мажорки блестят. В них столько восторга, страсти и доверия, что хочется утащить ее отсюда немедленно. Чтобы никто больше этот взгляд не видел. Чтобы он был только моим.

Девственница. Надо не забывать об этом. Может, обманула, конечно. Но вдруг нет? Не хотелось бы испортить ее первый раз. На всякий случай все время держу это в голове.

— Вон девочки! — Полина показывает на дальний столик.

За ним и правда три девицы, тоже юные и миленькие, но эти — привычно тощие. Аж с мест повскакивали, так

на нас пялятся. Увидев, что мы смотрим в их сторону, девочки жестикулируют и показывают на стол, дескать, еду принесли.

— Идем? — спрашиваю.

— Да, я адски голодная!

Полька берет меня за руку и ведет к подругам. Мы садимся за стол и начинаем знакомиться.

Мне не слишком интересно с ними общаться, имена запоминаю скорее по привычке. Я думаю о том, чем закончится этот вечер. Еще меня беспокоит пара моментов, но о них чуть позже. Полина и правда очень голодная, уплетает стейк за обе щеки. Люблю девчонок с хорошим аппетитом. Пусть поест, потом предложу покинуть «Затмение».

От алкоголя я отказываюсь, потому что за рулем. Да и вообще не пью.

— Зашитый, что ли? — кричит Олеся.

— Что? — не сразу понимаю, к чему она клонит. — А, нет, по работе могут в любой момент вызвать.

Они переглядываются и растерянно пожимают плечами.

Девушки уходят в туалет, мы остаемся с Полиной вдвоем. Я хочу расспросить о ее сестре, но Полина отмахивается, мол, позже.

Залпом допивает коктейль, просит меня подождать чуть-чуть и спешит в сторону лестницы. А еще через минуту приходит сообщение:

«Илья, срочные дела, прости. В другой раз потусим! Расплатись, пожалуйста».

Не успеваю я оторвать глаза от экрана телефона, как официант вручает мне счет.

Открываю папку, смотрю на чек и едва удерживаюсь, чтобы не выругаться вслух.

Капец! Из чего готовят эти блюда? За такие деньги можно было бы накормить целую роту! Если не две.

Прищуриваюсь. Вот мелкая сучка.

Чайные я, уж простите, не оставляю.

Выхожу на улицу. И смешно, и злость дичайшая разбегается. Все это одновременно — смесь гремучая. Да, я знал, с кем связываюсь. Меня предупреждали все кому не лень. Ржали и предупреждали! Но и помню, как она целовалась. Тянулась, едва не стонала мне в рот.

После такой подставы домой я не поеду точно. Тут она ошиблась.

Открываю эту гребаную соцсеть, быстро нахожу пигалицу. Больше нет сторис. Смотрю, кто там ее комментирует. Так, вот и блондиночка Олеся. Сторис нет. Владислава с длинными черными волосами. Сторис нет. Последний шанс — веселушка Галина. Ага, есть! Селфи и надпись: «Все же дома лучше!» И геолокация на «Эру».

Сопливые конспираторши.

Это десять минут езды по ночному городу.

ГЛАВА 8 ПОЛИНА

Вот и старая добрая «Эра»!

Да, может, для кого-то заведение не вау, но именно здесь мне привычно и комфортно. Я могу позволить себе забронировать столик в любом клубе города, но безопасность у меня всегда стоит на первом месте. А здесь даже стены родные.

Мы с Олесей здороваемся с официантами, как с добрыми друзьями. Едва успеваем подойти к барной стойке, как бармен Макс оказывается рядом, тянется через стол и звонко целует нас в щеки. Он вообще очень милый и добрый парень.

— Давно тебя видно не было, — кричит мне на ухо и подмигивает.

— Дела-дела, — важно подмечаю, придиричливо рассматривая идеальный маникюр.

— Как обычно? — спрашивает он и тут же, не дождав-шись ответа, начинает готовить коктейли.

Поначалу я хочу попросить холодной воды, а потом машу рукой. Пусть. Опираюсь на барную стойку спиной и по-хозяйски оглядываю танцпол. Сегодня выступает местная группа, народ веселится.

Олеся флиртует со своим знакомым, которого случайно встретила. Накручивает на пальцы пряди волос. Сто раз говорила ей так не делать! Она снова за старое.

Влада с Галкой все еще хохочут взахлеб, вспоминая нашу авантюру: сбежать, не расплатившись.

•
:

38

Как мы и договорились, девочки, уходя якобы в туалет, незаметно прихватили из-за столика сумки, в том числе мою. Спустились на цокольный этаж, где забрали одежду из гардероба — днем уже довольно тепло, но ночью без кожаной курточки зябко. Вызвали такси и ждали у выхода.

Все прошло по плану. Я поторопила официанта со счетом и юркнула на первый этаж, затем рванула к выходу. Чуть с лестницы не свалилась, ноги на каблуках заплетались — так летела! Мы ворвались в такси.

— Гони, гони! — закричала на волне адреналина Галка, будто мы спасаемся от бандитов в каком-то боевике.

Я вытащила из пачки сигарету, но подкуривать в машине не стала.

Было весело и классно! Идея блестящая — девочки оценили. Все прошло как по маслу. Но удовольствия я почему-то не получила. По крайней мере, такого, как планировала.

Жалостливая Олеська — ей вечно лишь бы всем посочувствовать — как давай причитать в такси:

— А что будет, если у него денег нет с собой?

— Кредитки у всех есть, — возразила Влада.

— Не у всех. У меня нет, например, — парировала Галка. — А что? У меня карточка отца, ему тут же эсэмэски приходят, если я что-то покупаю. За бухлишко в «Затмении» он бы меня придушил!

— Его могут оставить мыть посуду? — Олеся свела брови домиком.

Бурное, приправленное градусом воображение моментально нарисовало в голове картинку, на которой военный хирург, спасший жизнь моей сестре, моет посуду в «Затмении».

— Ты фильмов пересмотрела! Дадут рассрочку ему, да и все, — обрubiла ее Влада. — В крайнем случае.

— Есть у него деньги. Много, — заверила я, насупившись.

Губы только огнем горели. Пылали так, что все время хотелось их трогать. Я смотрела в окно на ночной город и водила по ним фильтром от сигареты.

Полчаса прошло, а я только и думаю, что о его прикосновениях, и сердце колотится все сильнее и сильнее. То ли от адреналина, что щедро хапнула, пока уносила ноги,

то ли от одной мысли — что больше не поцелует. Он это сделал как-то... по-взрослому. У меня ноги подкосились — так вцепилась в его плечи, что даже стыдно стало. Упасть боялась!

Это вам не Пашка Гурьев, сын папиного друга, который мечтает закрутить со мной роман. И вечно садится за одну парту, если Олеся болеет.

С ним целоваться мне никогда не хотелось. Да и сегодня не очень-то тянуло. Наверное... Ветров сделал это силком! Этот бессовестный врач из Тиндера меня почти изнасиловал!

Но чувствовать себя жертвой упорно не получается. Я проверяю телефон: жду от него гадкого сообщения. Специально для этого не блокирую. Но сообщения все нет и нет.

Мы уже в такси сели, на светофоре три раза постояли, в клуб зашли, одежду в гардероб пристроили... он мог бы двадцать раз написать или позвонить.

Не моет же и вправду посуду? Надо спросить у папы, сколько он ему перевел.

— Жаль, не удалось остаться и посмотреть на его физиономию! — хохочет Влада. У нее низкий бархатистый голос. Если она ржет, то все на километр знают, что кто-то рядом с Владой смешно пошутил.

— Заткнись ты уже, — шиплю я. — Давайте сменим тему.

— Симпатичный парень, кстати, — говорит Галка. — Мне даже жаль, что он остался в «Затмении». Разбавил бы наш девичник.

— Тебе-то что? Он приезжал ко мне, а не к тебе, — напоминаю на всякий случай.

— Ну тебе он, судя по всему, не нужен.

— Как это не нужен? Да она потекла вся от его поцелуя! — смеется Влада. — Пришла за стол пунцовая и счастливая!

— После такой подставы он вряд ли полезет к ней еще. Где вы познакомились? В Тиндере? — не унимается Галя.

Подковы моего выдуманного боевого коня звонко касаются земли. Привычный цокот копыт, приглашающий всадника Ревности запрыгнуть в седло и ринуться в атаку, на пару мгновений дезориентирует. А потом, когда я при-

•
:

40

хожу в себя, понимаю, что это никакой не цокот, а сильное сердцебиение. Отчаянное, болезненное. Так раньше не было.

— Голова немного кружится, — кричу на ухо Олесе. — Пойду покурю на улице!

— Я с тобой! — отвечает подруга, забеспокоившись.

Девочки кивают, быстро допивают коктейли и следуют за нами. Мне настолько дурно, что я минуя гардеробную и отталкиваю загородившего проход и заболтавшегося с администратором охранника.

Мы вываливаемся на крыльцо четвером, отходим подалее от толпы. Я жадно втягиваю в себя влажный воздух, с Енисея веет приятным холодом. Достая сигарету, зажигаю. Пару секунд медлю, прикидывая, не станет ли хуже. И внезапно слышу за спиной до боли знакомый голос:

— А обещала, что бросишь.

Сигарета падает из рук на асфальт. Я округляю глаза в такой панике, будто нас отец застукал в курилке. Но это не отец! Это намного хуже! Папу я давно не боюсь — после того самого случая наши отношения сильно изменились. Что он мне сделает? Я как упала на дно, так на нем и обоживалась. Ничего нового.

А вот что может сделать Илья из Тиндера — я понятия не имею. Как он нас нашел так быстро?! Мы ни слова не говорили об «Эре»: я заранее запретила девочкам и строго следила, чтобы никто случайно не проговорился!

Подруги бросают на меня вопросительные взгляды, открывают рты. Что же делать? Бежать?

Ну да, от этого убежишь!

Илья подходит совсем близко. Я окидываю его любопытным взглядом — в клубе было слишком темно, рассмотреть не получилось. Успела только цепочку проверить на его шее во время поцелуя. Она была на месте.

Он в обычной гражданской одежде. Черная майка, темные джинсы, на ногах конверсы. Часов на руке нет, что для меня непривычно. Мужчина без часов — будто голый. Лицо чисто выбрито, даже щетины нет. А вот взгляд... острее бритвы. Боже, этому хирургу и скальпель не нужен!

Я быстро оглядываюсь в поисках поддержки, а Илья берет меня за руку.

Снова без спроса.

И ошутимо стискивает запястье. Пальцы стальные — будто в наручники заковал. Зачем-то смотрит на сотовый и хмурится.

Оторопев, я не сразу начинаю вырываться. Мы все вчетвером в полном ужасе. Так и стоим: он меня крепко держит, девочки молчат, как обезьянки перед удавом. Я тарашу глаза, забывая дышать и ожидая какой-нибудь гадости, например требования вернуть деньги или расплатиться натурой за ужин в «Затмении».

А когда я наконец забираю руку, он смотрит мне в глаза. Прищуривается на долю секунды, словно считая в уме, и выдает:

— Пульс сто четырнадцать, Полина. До хрена.

— Что? — хмурюсь, не понимая, о чем он. При чем тут счет в клубе и мой пульс? Как это связано вообще?!

— У тебя пульс зашкаливает, — ругается Илья. — Я заметил еще в прошлый раз в машине, когда держал тебя за руку. Но тогда списал на стресс, а сейчас что? У тебя всегда так?

— А сколько надо? — спрашивает Олеся.

— Ну, шестьдесят, семьдесят, — пожимает он плечами. Девочки тут же достают телефоны и начинают гуглить.

— А мне посчитаешь? — Галя протягивает ему руку.

— Как ты нашел меня? — Я растерянно оглядываюсь, возвращая внимание к своей персоне. Аккуратно и почти незаметно ударяю по Галкиной ладони, чтобы та убрала ее и не позорилась.

Отмечаю, как жадно девочки рассматривают каждый сантиметр моего врача. Все же он в шикарной физической форме. Высокий, широкоплечий. Крепкий. И взрослый. Взрослый мужчина — совсем не такой, как парни из нашей группы.

— Оставьте нас наедине? Ненадолго, — обращается он к девочкам, игнорируя мои слова.

Те вопросительно смотрят на меня, и я неуверенно киваю.

— Ты извини, что так вышло, — бросает напоследок Галка и трусливо юркает в клуб.

Он ей вслед только прищуривается.

Мы остаемся практически наедине. Выступление Limebridge в самом разгаре — все гости зашли в здание, чтобы потанцевать и от души покричать.

•
:

— Прогуляемся? — не то спрашивает, не то приказывает мне Ветров. Улыбки на его лице больше нет.

— Не-ет! — тяну я. — Говори здесь. Зачем ты приехал? Все же понятно.

— До моей машины тридцать метров. Давай там спокойно поговорим, давление тебе померим. Сто четырнадцать ударов. Куда так спешишь? Тебе восемнадцать, все успеешь.

— Под таким предлогом меня еще ни разу не пытались в тачку затащить! — Я округляю глаза и борюсь с улыбкой.

Несколько секунд мы играем в гляделки, после чего Илья усмехается. Не по-доброму, скажу сразу. Но после этого мне становится легче. Кажется, хирург ненадолго убрал скальпель. Живем!

— Я и шага с тобой никуда не сделаю, — скрещиваю руки на груди.

— А если понесу? — спрашивает он, шаря глазами по моему лицу.

У меня сердце, которое и правда что-то разогналось не на шутку, вдруг замирает и обрывается. Потом вновь оказывается на месте и устремляется вскачь. Я действительно спешу, сама не зная куда! Внезапно вспоминаю, что мне дурно! Голова до сих пор кружится. И ухватиться за чью-нибудь шею было бы неплохо.

— Понеси, — беру его на понт. Выгибаю одну бровь.

Я не слишком-то пушинка, если уж на то пошло. Выше и крупнее подруг, из-за чего нередко комплекую.

Он делает движение плечами, дескать, не вопрос. Подходит вплотную и... подхватывает меня на руки! Прижимает к груди, будто я не вешу шестьдесят три килограмма!

Тащит куда-то в темноту. Сейчас к реке подойдет и скинет!

От возмущения и паники я готова его покусать! Начинаю вырываться, тогда он перехватывает поудобнее и закидывает себе на плечо, как мешок с картошкой. Не забывая при этом ощутимо шлепнуть по бедру.

— Ай! Вообще-то, я в платье! — Пытаюсь поправить подол. Светить трусами совершенно не хочется. — Да что ты себе позволяешь!

Задираю его футболку и больно щипаю.

— Маньяк! — кричу, правда, не слишком громко. Чтобы не привлекать лишнего внимания.

